

ГЕРБЕРТ ШПИГЕЛЬБЕРГ

Феноменология в психоанализе¹

Наличие отдельной главы, посвященной отношениям феноменологии и психоанализа, требует отдельных объяснений. Прежде всего, само выделение психоанализа из психопатологии и психиатрии можно назвать спорным. Хотя психоанализ зародился в области психопатологии и психологии как новый и достаточно своеобразный подход, его все еще можно рассматривать не как совершенно самостоятельное направление, а как их «школу». Но психоанализ, несомненно, стал намного большим, чем школа: он индуцировал развитие новой ветви общей психологии, базирующейся на динамической теории личности. Психоанализ можно даже рассматривать как связующее звено между нормальной и аномальной психологией. Не выдвигая таких громких заявлений и не присоединяясь к ним, я бы просто сказал, что психоанализ является новым подходом, который настолько отличается от предшествующих, что требует специального исследования. Это не должно пониматься как отмежевание психоанализа от двух других областей, оказавших на него такое глубокое воздействие.

Однако есть и еще одна дополнительная причина для того, чтобы затронуть отношения между феноменологией и психоанализом отдельно: они актуализируют некоторые специфические проблемы. Важнейшая

¹ Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction. Evanston: Northwestern University Press, 1972. P. 125–142. Глава «Феноменология в психоанализе» входит в первую часть работы Г. Шпигельберга «Феноменология в психологии и психиатрии: историческое введение». Она посвящена влиянию феноменологии на психоанализ, но не психоанализа на феноменологию. Это необходимо помнить, поскольку анализируемый Шпигельбергом процесс привел к возникновению некоторых направлений и теорий, которые практически не пересекаются с так называемым экзистенциальным анализом (Л. Бинсвангер, М. Босс и др.), появившимся как продукт влияния психоанализа на феноменологию и феноменологическую психиатрию. — *Прим. перев.*

из них состоит в том, что феноменология, возникшая как исследование сознания как непосредственной данности, и психоанализ, как исследование бессознательного, основанное на весьма сложных гипотетических методах, кажется, не имеют ничего общего. Они оказываются тем более несовместимы, если феноменология трактуется как философия, сводящая весь универсум к миру сознания, а психоанализ — как теория, которая видит в сознании лишь не имеющий значения побочный продукт иррациональных сил. Таким образом, имеется потребность в более тщательном изучении этих взаимоотношений, подобно тому как это сделано Полем Рикером в работе о Фрейте.

Но это только одна проблема, хотя изначально и наиболее важная. Столь же важный и, как оказалось в конечном счете, еще более значимый вопрос связан с утверждением психоанализа о том, что не только сознательная, но и бессознательная психическая жизнь имеет свою цель и смысл и должна пониматься в терминах этого смысла, а не через ее физико-химические предпосылки. Признание существования этого смысла привело практику психоанализа к своеобразному безграничному ментализму и финализму. Они тесно связаны с изначальной направленностью психоанализа на практику и его статусом терапевтического предприятия, что когда-то шло ему только на пользу. Фактически, попытавшись включить бессознательное в сознание и таким образом направить его темные силы в рациональное русло, психоаналитическая терапия наделила сознание привилегированным статусом. Это выразилось, например, в усилении значимости исследований эго и его функций для позднего Фрейда, а также для его ортодоксальных последователей.

Наконец, существует целая проблема научной верификации. Следуя стремлению проверить те предположения, которые подчас кажутся совершенно необоснованными, даже психоанализ должен подтверждать свои гипотезы определенными доказательствами, среди которых обязательным является понимание высказываемого самим субъектом анализа. Пациент должен принять интерпретацию психоаналитика не только в терапевтических целях, но и как веское свидетельство правильности анализа, хотя в начале анализа она, возможно, была совершенно непонятна и неприятна для него. Это опять-таки предполагает обращение к сознанию. Все это приводит к тому, что психоанализ в настоящее время не может обойтись без сознания как отправного пункта и результата исследования бессознательного.

Насколько феноменология как последовательное исследование существенных структур сознания во всех его формах может помочь психоанализу на этом пути? Настоящая глава ответит, по крайней мере, на некоторые из уже поставленных вопросов. Возникшая в результате картина покажет, что в основном в немецкой фазе своего развития психоаналитическое и феноменологическое движения едва ли как-либо контактировали. Все это тем более поразительно на фоне контраста с ситуацией во Франции, где психоанализ и феноменология не только вели

диалог, но и, казалось, были близки к слиянию. Поскольку психоаналитическое движение в настоящий момент имеет столь же разветвленную структуру, как и феноменологическое, всесторонняя картина отношений между феноменологией и психоанализом с их зарождения до настоящего времени сама по себе требует отдельной книги. То, что я планирую здесь сделать и что, как мне кажется, все еще весьма актуально, так это краткий очерк отношений, возникших между двумя независимыми австрийскими движениями на пересечении их интересов.

Я начну с отношения классического психоанализа к феноменологии и продолжу обсуждением наиболее интересных последователей. Я также попытаюсь привести некоторые факты, отражающие ранний отклик феноменологии на психоанализ.

[1] Фрейд и феноменология

Неудивительно, что должно было пройти некоторое время, прежде чем два молодых движения, возникших практически одновременно («Логические исследования» Гуссерля появились в 1900–1901 гг., «Толкование сновидений» Фрейда — в 1901 г.), достигли такой степени развития, что смогли установить хотя бы поверхностный контакт.

Необходимо помнить, что ко всей академической философии Фрейд испытывал крайнее отвращение; оно, разумеется, должно было распространяться и на такого философа, как Гуссерль, вообще сльзшего противником психологизма. Именно поэтому считается, что имя Гуссерля никогда не фигурировало в опубликованных работах Фрейда.² Но не стоит упускать из вида то, что Фрейд контактировал с двумя его современниками, философами-психологами, которые внесли большой вклад на первых этапах развития феноменологии: Францем Brentano и Теодором Lippsom. Первый открыл Гуссерля как философа, последний, несмотря на то, что на начальных этапах Гуссерль был противником

² Однако термин «феноменология» упоминается дважды в последней работе Фрейда, Лондонском фрагменте «Очерка психоанализа» 1938 года (*Gesammelte Werke* [Frankfurt: Fischer, 1960–68]. В дальнейшем эта работа упоминается как «GW». Английский перевод: *Complete Works*, 24 vols. New York: Macmillan, 1964. XVIII, 155–57). Здесь Фрейд пишет, что «понимание» тех «нормальных и аномальных феноменов, которые мы наблюдаем, т.е. феноменология, требует описания, исходя из “динамики” и “экономии” (количественного распределения либидо)» (перевод автора). По-видимому, это такое же запутанное разделение, как и разделение психологии Brentano на описательную и генетическую, позднее названную Фрейдом «Ätiologie» (этиология). Но если с особенностями описательной психологии все ясно, то феноменология Фрейда включает даже динамические импульсы и экономику их распределения. В следующей главе о «психических свойствах» Фрейд также поясняет, что его феноменология психического (*psychische Phänomenologie*) обращается не только к сознанию, но и к различным формам бессознательного.

И признателен доктору Александру Метро за подбор нескольких подходящих текстов из работ Фрейда.

психологизма, а на поздних — сторонником, состоял с ним в дружеских отношениях, и Гуссерль даже использовал некоторые идеи Липпса в своей феноменологии. Кроме того, Липпс, с его аналитической психологией, преподавал у многих представителей старого феноменологического движения, таких как Пфендер.

Вопрос о степени влияния на психоанализ личных контактов Фрейда и Brentano во время медицинских исследований Фрейда в Вене в начале 1970-х гг. подробно рассматривался Джеймсом Р. Бакли на основании анализа некоторых хронологических фактов, полученных Филиппом Мерланом.³ Но ввиду упорного молчания Фрейда⁴ мы уже не можем установить, действительно ли восемь черт сходства, которые Бакли находит между идеями Brentano и Фрейда, были результатом влияния первого на второго. Однако, касаясь следов концепта интенциональности Brentano в мысли Фрейда, нельзя не заметить, что Brentano после внимательного изучения философских исследований проблемы неосознаваемого от Фомы Аквинского до Эдуарда фон Гартмана признал концепцию бессознательного с научной точки зрения необоснованной.⁵ Таким образом, даже если Фрейд читал «Психологию»⁶, неудивительно, что он никогда не ссылаясь на нее.

Но большим влиянием было то интеллектуальное, если не личное, влияние, которое оказало на Фрейда чтение работ Теодора Липпса, в особенности его «Основных фактов душевной жизни» (*Grundtatsachen des Seelenlebens*) (1883), где, согласно Эрнсту Джонсу⁷, Фрейд отметил пассаж о бессознательном как основании сознания, а также «Комизм и юмор» (1898). В своей работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» Фрейд признал, что он во многом обязан Липпсу «решимо-

³ Franz Brentano and Sigmund Freud // *Journal of Existentialism*. V (1964). 1–33.

⁴ Бакли, как кажется, пропускает одну явную ссылку на брентановскую книгу загадок «*Aenigmatias*» (1878), в которой Фрейд добавляет каламбур на имя Brentano в сноске к работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (Фрейд З. Юмор и его отношение к бессознательному // Фрейд З. Художник и фантазирование. / Под ред. Р.Ф. Додельцева. М.: Республика, 1995. С. 31); Фрейд, хотя и посетил пять лекций Brentano, ничего не говорит о своем личном и интеллектуальном отношении к нему.

Каламбур на имя Brentano выглядит так: «Философ Фр. Brentano придумал вид загадок, требующих отгадки нескольких слогов, которые, объединяясь в слово или слагаясь как-либо иначе, дают в итоге новый смысл... (...) Требующие отгадки слоги заменяются в контексте предложения повторяющейся с той же частотой частицей *dal*. Один коллега философа в отместку прибег к остроте; услышав о поمولвке Brentano, человека в зрелом возрасте, он спросил: *Daldaldal daldaldal?* (отгадка: — Brentano, *brennt-a-no?* — Brentano, не сгорит ли он?)» (Фрейд З. Юмор и его отношение к бессознательному. С. 31). — *Прим. пер.*

⁵ *Psychologie vom empirischen Standpunkt* (Leipzig: Duncker & Humblot, 1874; rev. ed., Leipzig: Meiner, 1924), Book II, chap. 2.

⁶ Имеется ввиду указанная выше работа «Психология с эмпирической точки зрения» — *Прим. пер.*

⁷ Ernest Jones. *Life and Work of Sigmund Freud*. New York: Basic Books, 1953. I. 149.

стью и возможностью предпринять данную попытку»⁸ и его вниманием к бессознательному⁹. Роль Липпса в седьмой главе «Толкования сновидений» еще более значительна. Здесь, предваряя понятие бессознательного, Фрейд детально рассматривает лекцию Липпса, прочитанную на Третьем международном конгрессе в Мюнхене в 1896 г. (которую сам Фрейд едва ли посещал) и указывает, что «вопрос бессознательного в психологии, по меткому выражению Липпса, не столько психологический вопрос, сколько вопрос психологии»¹⁰. Свидетельством того, что исследование «Основных фактов» имело важное значение для Фрейда в разработке его основных идей, является и письмо Вильгельму Флису из Ауспи (26 августа 1898 г., № 94 и 95), в котором он называет Липпса тем, «кто, как я полагаю, является лучшим умом среди современных философов».

Не без интереса Фрейд дважды упоминает Липпса и в 1938 г. в своих Лондонских фрагментах.¹¹ Хотя Липпсова теория бессознательного не могла удовлетворить его интеллектуальное любопытство, динамическая концепция бессознательного как психической энергии, конечно, была схожа с энергетикой Фрейда. Однако необходимо понять, что теория бессознательного, предложенная Липпсом, была скорее проектом, чем реализованной программой; большая часть разрабатываемой им психологии имела дело с доступным сознанию и была скорее описательной (в предфеноменологическом смысле), чем объяснительной. Это послужило отправным моментом для глубокого исследования Морица Гайгера, одного из бывших студентов Липпса и позднее коллеги Гуссерля.¹²

Все вышеизложенное приводит к выводу о том, что, хотя Фрейд не мог не слышать о феноменологии от его товарищей Бинсвангера и Шильдера, для него этого было вполне достаточно, и Фрейд не предпринимал собственных исследований.

[2] Карл Густав Юнг и феноменология

Нет никаких данных о каком-либо интересе к феноменологии как философскому движению и со стороны К.Г. Юнга. Конечно, понятие «феноменология» встречается во многих его работах и даже в названиях очер-

⁸ Фрейд З. Юмор и его отношение к бессознательному. С. 20.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем. Минск: ООО «Попурри», 1998. С. 533.

¹¹ GW, XVII, 80, 147; Eng. trans., XXIII, 158, 286: «Немецкий философ Теодор Липпс убедительно показал, что психическое по своей сущности бессознательно, а бессознательное является в полном смысле слова психическим».

¹² Fragment über das Unbewusste // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*. IV (1921); См. также мою книгу: Шпигельберг Г. *Феноменологическое движение*. С. 224–236.

ков и глав монографий. Но были ли у Юнга какие-либо отношения с представителями феноменологического движения или хотя бы с феноменологическими психологами, я не знаю. Фактически основные концепты Юнга, такие как коллективное бессознательное, *едва ли могут выдержать феноменологическую верификацию*.

Однако постоянные ссылки Юнга на феноменологию заслуживают систематизации и детального исследования. Например, в лекции 1928 г. о психологической типологии, впоследствии переизданной в качестве приложения к «Психологическим типам», он говорит о психической феноменологии (*psychische Phanomenologie*)¹³ как ее необходимом фундаменте.¹⁴ Эта феноменология, в свою очередь, должна базироваться на «клинической феноменологии», или симптомологии. С помощью аналитических методов мы должны перейти от этих симптомов к «феноменам», т.е. к стоящим за ними «комплексам». Таким образом, психологическая феноменология — это исследование бессознательных комплексов, выводимых из имеющихся симптомов, и поэтому едва ли связана с традиционной концепцией феноменологической психологии.

Позже, в эссе 1936 г. «Об архетипах» (*Über den Archetypus*), Юнг противопоставляет собственную позицию той «теории», которая не основывается на феноменологии. Если быть более точным, в излишней теоретичности без опоры на феноменологический базис он обвиняет Фрейда, упрекая его в том, что оставляет психоанализ «висеть в воздухе ... без знания общей феноменологии». Сам Юнг находит опору у Пьера Жана, Уильяма Джеймса («Сущность религиозного опыта») и Теодора Флурнуа.¹⁵ Кроме того, в своей публичной лекции «Психология и религия» в Йельском университете Юнг назвал себя эмпириком, который «придерживается также и феноменологической позиции»:

Я ограничиваю себя наблюдением феноменов и избегаю любых метафизических или философских суждений... Методологическая позиция, которую я представляю, является исключительно феноменологической, т.е. интересуется случаями, событиями, опытом — одним словом, фактами.¹⁶

Последняя фраза ясно указывает на то, что сам Юнг считает феноменологию такой же естественной наукой, как зоология, изучающая «феномен» слона или такие «феноменологические группы», как антропоиды.

Сходная позиция представлена в лекции 1945 г. (отредактированной в 1948 г.) «К феноменологии духа в сказках», в начале которой Юнг ука-

¹³ S. 573.

¹⁴ *Psychologische Typen*, GW (Zurich: Rascher, 1960), VI, 571 ff. Эта часть немецкой работы пока не переведена.

¹⁵ C.G. Jung, *The Archetypes and the Collective Unconscious*, in *The Collected Works of C.G. Jung*. Trans. R. F. C. Hull (Princeton, N. J.; Princeton University Press, 1959). Vol. IX. Part I. Pp. 54–56.

¹⁶ *Zur Psychologie Westlicher und Östlicher Religion*, GW, XI, 2–3; Eng. trans., XI, 5, 6.

зывает на отличие «феноменологической позиции современной психологии» от установок науки, которая «занимается проблемами субстанции»¹⁷. Феноменология должна содержать описание и систематизацию случаев с последующим изучением закономерностей поведения. Это не исключает веры, убеждения и уверенности, но тем не менее нет никакой возможности «доказать их обоснованность научно».

Эта последняя фраза говорит о том, что Юнг действительно отделял феноменологию от естествознания, а также о том, что он был близок к феноменологической позиции. Но никаких данных о его реальной связи с феноменологической философией до сих пор нет. Использование им термина «феноменология» указывает только на то, что он применял его лишь как модное словечко в виду его возрастающей популярности.¹⁸

[3] Альфред Адлер и феноменология

Еще меньше данных, свидетельствующих об интересе к феноменологии, можно найти в работах Альфреда Адлера. Но это свидетельствует лишь о равнодушии со стороны врача, не интересующегося философскими основаниями своей практики. Такой интерес возник не сразу.

Поэтому неудивительно, что после распространения индивидуальной психологии в Соединенных Штатах последователи Адлера проявили явный, даже повышенный, интерес к поиску параллелей и точек пересечения не только с другими психологическими подходами, но также с феноменологией и экзистенциализмом. Соответственно с 1957 г. «Журнал индивидуальной психологии», согласно надписи на обложке, был «посвящен холистическому, феноменологическому политеоретическому и социально-ориентированному подходу в психологии и смежных областях» (хотя в тексте не давалось никакого пояснения этим терминам). Начиная с 1959 г. вышло несколько статей, пытавшихся установить определенные связи между взглядами Альфреда Адлера и идеями различных феноменологически-ориентированных экзистенциалистов (*phenomenological existentialists*).¹⁹ В 1961 г. журнал опубликовал материалы Симпозиума по феноменологическим концепциям личности, проведенного Американской психологической ассоциацией в 1960 г. Среди участников этого симпозиума были

¹⁷ *Collected Works*, Vol. IX, Part I, pp. 207–54

¹⁸ В этой связи интересно, что в английской версии «Эон» (*Collected Works*, Vol. IX, Part 2) с согласия Юнга подзаголовок «Untersuchungen zur Symbolgeschichte» сменился на «Исследования по феноменологии самости».

¹⁹ Wilson Van Dusen, «Adler and Existence Analysis,» and «The Ontology of Adlerian Psychodynamics,» *Journal of Individual Psychology*, XV (1959), 100–III, 143–156. См. также: Wilson Van Dusen and Heinz L. Ansbacher, «Adler and Binswanger on Schizophrenia,» *Journal of Individual Psychology*, XVI (1960), 77–80; «The Phenomenology of Schizophrenic Existence,» *Journal of Individual Psychology*, XVII (1961), 80–92.

С.Г. Паттерсон, Ф.П. Килпатрик, Абрахам Лачинс, Ричард Джессор и Тэд Ландсман.²⁰

[4] Последователи Фрейда

А. Людвиг Бинсвангер и Пауль Шильдер

В целом, самые преданные последователи Фрейда интересовались феноменологией не больше, чем их учитель. Однако по крайней мере двое из них — Людвиг Бинсвангер и Пауль Шильдер — предприняли попытки навести мосты между феноменологией и психоанализом.

Насколько эти пионеры преуспели в установлении связей? Это не вполне ясно. У Бинсвангера, несмотря на его длительную привязанность к Фрейду, феноменология все больше и больше вытесняла психоанализ, вплоть до его полного поглощения. У Шильдера ссылки на феноменологию постепенно исчезали, особенно в течение его американского периода. Установление более устойчивых отношений пришлось на французский и американский этапы развития обоих движений.

Однако два других члена более узкого круга Фрейда проявили хотя и несколько запоздалый, но явный интерес к феноменологии. Это Пауль Федерн и Хайнц Хартманн. На то были особые причины. И Федерн, и Хартманн принадлежали к числу психоаналитиков, взгляды которых сформировались под влиянием возрастания роли Эго во фрейдистской триаде «Ид, Эго, Супер-Эго», что в случае самого Фрейда привело к известной формуле в конце тридцать первой лекции «Новых лекций по введению в психоанализ»: «Где было Ид, будет Эго». Анна Фрейд ведущее место в формировании защитных механизмов также отвела этой структуре. Все это должно было пробудить интерес к феноменологии Эго.

Б. Пауль Федерн

Пауль Федерн (1871–1950) принадлежал к ближайшему окружению Фрейда. И хотя он далеко отошел от учителя, применяя психоанализ не только к невротикам, но и в лечении психотиков, он всегда, даже развивая свою эго-психологию, считал, что идет по пути Фрейда. Только в последние годы американского периода он, кажется, действительно осознал, насколько далеко отошел от его идей.²¹ Основываясь на ссылках Федерна на «эго-психологию» Эжена Минковски и Пауля Шильдера, можно сказать, что он определенно осознавал, что фено-

²⁰ *Journal of Individual Psychology*, XVII (1961), 4–38.

²¹ Eduardo Weiss, «Paul Federn,» *Psychoanalytic Pioneers*, ed. Franz Alexander et al. (New York: Basic Books, 1966), p. 157.

менология является «самым радикальным и интуитивным» движением.²² В основе его эго-психологии лежали три определения эго — описательное, феноменологическое и метапсихологическое. Термин «феноменологический» он понимал при этом как синоним понятия «субъективно описательный», в терминах чувства, знания и понимания. Его феноменологическое определение эго звучало следующим образом: «Эго ощущается и понимается индивидом как постоянная или возобновляемая непрерывность тела и психической жизни во времени, пространстве и причинности, воспринимается и постигается им как единство»²³.

Основной пример такого феноменологического описания можно найти в его лекции, прочитанной Федерном в 1949 г. в Правительственном госпитале ветеранов в Топека, в Канзасе. Здесь он требует обращения к «феноменологической очевидности» для «телесного и ментального эго, границ эго, эго-комплексов и эго-чувств, поскольку оно дает нам новое понимание сущности эго» (С. 213). Он всегда подчеркивал, что это вопрос не только теории или интерпретации, но и «феноменологического опыта» (С. 221). В то время как эти описания редко выходят за пределы простых утверждений, их подлинность требует дальнейших разъяснений и проверки. Таким образом, его исследование «ортриогенеза» (*orthriogenesis*), процесса, благодаря которому при нормальном пробуждении эго возвращает свои границы, присущие ему в повседневной жизни (процесс, для обозначения которого Федерн также использует традиционный термин «катексис»), является лучшим примером его феноменологии (С. 90—92, 98). Идеи Федерна о психозе как болезни эго легли в основу терапевтических тестов, разработанных Гертрудой Швинг (*Gertrud Schwing*).²⁴

С. Хайнц Хартманн

Многочисленные ссылки на феноменологию и даже на самого Гуссерля присутствуют также в работах Хайнца Хартманна, работавшего вместе с Паулем Шильдером и являвшегося основным пропагандистом психоаналитического понятия эго.²⁵ В своих публикациях немецкого периода в 1920-х гг. он ссылается на феноменологическую психологию Дильтея и теорию знаков и сигналов, представленную Гуссерлем в «Логических исследованиях», но большого интереса к феноменологии он в этих работах не выказывает. Однако в своей ранней работе немецкого

²² *Ego-Psychology and the Psychoses* (New York: Basic Books, 1952), p. 222.

²³ «The Awakening of the Ego in Dreams,» *ibid.*, p. 94.

²⁴ *A Way to the Soul of the Mentally III*, trans. Rudolf Ekstein and Bernard H. Hall (New York: International Universities Press, 1954).

²⁵ «Zur Klinik und Psychologie der Amentia,» *Archiv für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, XCII (1924), 531—76.

периода, посвященной основаниям психоанализа²⁶, в главе «Понимание и объяснение», он четко связывает психоанализ с феноменологической психологией, главным образом, в том смысле, который ей придавал Ясперс. Относительно феноменологии Ясперса Шильдер отмечал, что «психоанализ утверждает, что феноменологическое исследование является лишь одним, хотя и весьма существенным условием, необходимым для достижения его целей». Это в значительной степени согласуется с тем, что говорил о феноменологии сам Ясперс: «Ее результаты, когда они четко обозначены, могут также использоваться в психоаналитическом исследовании».

Можно было бы трактовать весь процесс развития эго-психологии как возвращение от гипотетических конструкций, таких как супер-эго и ид, к уровню эмпирического описания. Однако так же, как Шильдер и Федерн, ни Анна Фрейд, ни Хартманн в его «Эго-психологии и проблемах адаптации» (1939) не акцентировали на этом внимание.

[5] Немецкая феноменология

Что касается Гуссерля, то, за исключением его позднего периода, никаких данных, свидетельствующих о его значительном интересе к психоанализу, нет.²⁷ Но этого последнего периода вполне достаточно для того, чтобы показать, что его концепция феноменологии как науки о чистом сознании ни в коем случае не предполагала опровержения существования бессознательного или отсутствия интереса к нему. Например, в одном из последних завершенных разделов «Кризиса», обсуждая задачи феноменологической психологии и говоря о понимании горизонта сознания, Гуссерль упоминает бессознатель-

²⁶ «Verstehen und Erklären,» in *Die Grundlagen der Psychoanalyse* (Leipzig: Thieme, 1927). Английская версия этой части включена в: *Essays in Ego-Psychology* (New York: International Universities Press, 1964), pp. 369–403.

²⁷ Есть, однако, некоторые биографические данные о личном контакте между Гуссерлем и интересовавшимся феноменологией голландским психоаналитиком Йоханнесом Ван Дер Хоупом (Johannes Van der Hoop), который, как известно, встречался с Гуссерлем во время его Амстердамских лекций в 1928 г. и спустя год вновь посетил его во Фрайбурге (W. R. Boyce Gibson, *Diary*, October 19, 1928, *Journal of the British Society for Phenomenology*, II [1971], 71).

В своих работах Ван Дер Хоуп не упоминает о личных контактах с Гуссерлем и выражает благодарность только Хайдеггеру, Хайнцу Хартманну и Х.С. Рюмке. Но в предисловии к книге «Ориентация сознания: Исследование личностных типов в отношении к неврозам и психозам» (*Conscious Orientation: A Study of Personality Types in Relation to Neurosis and Psychosis*. London: Kegan Paul, 1939) он также заявляет, что «знакомство с феноменологией через Гуссерля и Хайдеггера очень помогло мне. Мой опыт... следует расценивать как феноменологическое исследование» (С. IX). В «Философском комментарии» (Часть III) в конце книги он также указывает, что «феноменология необходима для психоанализа», хотя «является плодотворной только в том случае, если поддерживается психоаналитическим наблюдением» (С. 272).

ное не только в смысле сохранения «невоспринимаемой изнанки», но и в смысле бессознательной интенциональности глубинного сознания («однако мы не разделяем подобных представлений»), и особенно указывает на то, что подавляемые (*verdrängt*) чувства любви, униженности и разочарования как актуальные для феноменологической психологии темы нуждаются в редукции.²⁸ Есть более подробный текст Юргена Финка, помещенный в приложении этого издания и написанный в 1936 г. как заключение «Кризиса» («Гуссерлиана»). Т. VI. С. 473 и далее). В этом тексте понятие бессознательного не отклоняется, однако говорится, что его невозможно изучить, пока не будет проведено всеобъемлющее исследование явлений сознания, поскольку феноменология подсознательного основана на сознании, но не наоборот. Таким образом, феноменологическая наивность существующей теории бессознательного может быть преодолена посредством «интенционального анализа».

Первым феноменологом, всерьез заинтересовавшимся психоанализом, был Макс Шелер — еще одно подтверждение характерного для него пристрастия ко всему новому в философии, науке и жизни вообще. Фактически, в своей первой феноменологической работе по симпатии и любви (1913) около двадцати страниц Шелер специально посвятил обсуждению «натуралистической или онтогенетической теории любви» Фрейда в том виде, в каком она существовала на тот момент.²⁹ Он возвращался к этому даже в своих более поздних работах. С самого начала Шелер принимал и подчеркивал важность установленных Фрейдом фактов, в особенности тех, которые касались детской сексуальности. Он, однако, критически относился к основанной на этих фактах теории, особенно к некоторым не вполне ясным фундаментальным понятиям Фрейда, например, либидо, к не вполне адекватной интерпретации культуры как сублимации либидо и к монистическому объяснению всех явлений с помощью либидо, от которого сам Фрейд впоследствии отказался. Даже при такой позиции Шелер допускал, что психоанализ в конце концов сможет достигнуть исчерпывающего понимания личности. В связи с этим следует отметить, что он действительно соглашался с позицией первого американского ученика Фрейда, психиатра из Гарварда Джеймса Дж. Патнема, чей вариант психоанализа он назвал намного более обоснованным философски.

В дальнейшем немецкая философская феноменология лишь местами пересекалась с психоанализом и установила с ним лишь поверхностные контакты. Насколько мы можем судить, причиной такой отстраненности была не враждебность, а различия в интересах. Конечно, об-

²⁸ Krisis, §69 (Husserliana VI, 240).

²⁹ *Zur Phänomenologie und Theorie der Sympathiegefühle und von Liebe und Hass* (Halle: Niemeyer, 1913), pp. 203–6, 226–43. Английский перевод: *The Nature of Sympathy*. trans. by Peter Heath. (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1954), pp. 177–79, 196–212.

ласть сознания предлагала больше вопросов и возможностей, чем еще очень спорная область научного исследования бессознательного.

[6] Французская сцена

Одно из поразительных различий между немецким и французским периодами развития феноменологии — разное отношение к психоанализу. По сравнению с второстепенными поздними замечаниями Гуссерля, отступлениями Шелера и полным молчанием в работах Хайдеггера³⁰, психоанализ, лишь с некоторыми оговорками в случае Габриеля Марселя, был основной темой для французских феноменологов. Альфонс Валенс в эссе, содержащем некоторые оригинальные замечания относительно феноменологии сексуальности, указывает, что эта особенность связана с характерным для французской феноменологии интересом к живущему телу, к языку и с преодолением дуализма сознания и механически функционирующего организма.³¹

Сначала психоанализ во Франции был столь же далек от философии и феноменологии, как сам Фрейд и его непосредственные последователи в Австрии и Германии. Интерес Сартра к психоанализу, возникший во время его исследований в Берлине (1933), особенно развитие им экзистенциального психоанализа, кажется, не производит на психоаналитиков никакого устойчивого впечатления. Не больший эффект, за исключением влияния на Лакана, производят работы его друга Жана Ипполита о значении феноменологии Гегеля для психоанализа. Задачи психоаналитиков, особенно Анжело Луи Эснара, лишь рассужде-

³⁰ Здесь Шпигельберг не совсем прав. Хайдеггер неоднократно высказывал свое мнение о психоанализе на Цолликонских семинарах, проводимых в доме психиатра М. Босса с 1959 до 1971 гг. Протоколы этих семинаров были изданы лишь в 1987 г. (Zollikonner Seminare, Protokolle – Gespräche – Briefe. – Frankfurt a. M., 1987). Очевидно, Шпигельберг не знал об этом факте. Медард Босс впоследствии вспоминал: «Даже да нашей первой встречи я слышал о глубоком отвращении Хайдеггера ко всей современной научной психологии. В отношениях со мной он также не делал из этого никакой тайны. Его антипатия возросла после того, как я, прибегая к хитрости, впервые убедил его порыться в трудах самого Фрейда. Во время прочтения теоретических, «метапсихологических» работ Хайдеггер не переставая качал головой. Он никак не хотел признать, что такой умный и талантливый человек, как Фрейд, мог вынести такие надуманные, антигуманные, несомненно нелепые и совершенно необоснованные суждения о человеке разумном. Он буквально захворал от этого чтения. Работы Фрейда по технике, в которых он дает советы о практическом проведении терапевтического анализа невротиков, Хайдеггер принял более сдержанно. Он сразу обнаружил грубое противоречие всех работ Фрейда: а именно, непреодолимую пропасть между безусловным естественно-научным детерминизмом в его теории и постоянным акцентированием освобождения пациента в психоаналитической практике» (Heidegger and Psychology. Ed. by K. Hoeller. Seattle: Review of Existential Psychology and Psychiatry, 1988. P. 9–10) — *Прим. nef.*

³¹ «Phénoménologie et psychanalyse,» in *Existence et Signification* (Louvain: Nauwelaerts, 1958), 191–211.

ния о психоанализе Мерло-Понти, которые подспудно присутствуют во всех его работах. После них психоаналитики стали всерьез интересоваться даже Гуссерлем.

Главную роль в усвоении феноменологии французскими психоаналитиками, конечно, сыграл Эснар. Поэтому именно он будет представлять эту тенденцию в настоящей работе. Однако нельзя не упомянуть и другие имена, не проанализировать и другие работы. Это Даниэль Лагаш и Жак Лакан. Среди бельгийцев наряду с Валенсом особый интерес представляет А. Вергот.

А. Анжело Луи Эснар (1886–1969)

Возможно, один из самых замечательных фактов, касающихся «доктора Эснара», состоит в том, что он являлся одним из пионеров фрейдизма во Франции, а позже — главным сторонником феноменологии Мерло-Понти и ее применения к психоанализу. Состоявший с Фрейдом в не столь близких отношениях, как с менее известной и философски примечательной фигурой — Мари Бонапарт, он был соавтором первой французской работы по психоанализу, написанной совместно с Луи Режи (Louis Régis).³² Фрейд признал заслуги Эснара в адресованном ему благодарственном письме (допуская, однако, что Эснар еще не показал свои лучшие стороны в теории символизма).

Что касается Мерло-Понти, то Эснар уважал его за то, что тот «заново полностью переосмыслил Гуссерля, не только наделив его прозрачностью, отличающей французскую мысль, но и продолжил его исследования в области нейрофизиологии и психопатологии, что представляет для психиатров самый большой интерес»³³. Более всего в феноменологии Мерло-Понти Эснара привлекало понятие предрефлексивного сознания с его акцентом на тесных связях сознания с телом и миром. Движимый интересом к феноменологии Мерло-Понти, Эснар просит его написать предисловие к своей книге о Фрейде. Мерло-Понти принимает это приглашение и получившийся в результате текст становится намного большим, чем просто введением в труды Фрейда и оценкой их значимости.³⁴ Один из тезисов Эснара проливает свет на просьбу о предисловии:

Фрейд своими открытиями проложил путь для новой философии... его теория и метод тесно связаны с точной философией, относительно недавний успех которой весьма значителен, — с феноменологией (С. 308).

Сама книга, в дополнение к краткому обзору основных постулатов теории Фрейда, а также истории и распространения психоанализа в

³² *La Psycho-analyse des névroses et des psychoses* (Paris: Alcan, 1914).

³³ *Apport de la phénoménologie à la psychiatrie contemporaine* (Paris: Masson, 1959), P. 5.

³⁴ *L'Oeuvre de Freud et son importance pour le monde moderne* (Paris: Payot, 1960).

разных частях света, в последней, самой большой главе касается значения психоанализа для других областей знания. Именно здесь, в главе по психоанализу и философии, центральным является отношение между феноменологией и психоанализом, и высказываются идеи о «феноменологическом психоанализе». В плане поиска значений всех наших действий Эснар называет Фрейда феноменологом до феноменологии (*phenomenologist avant la lettre*) (С. 313). Феноменология может дать психоанализу максимально широкое понятие сознания, которое включает «скрытое или имплицитное», и таким образом может быть продуктивной даже в отношении к бессознательному. Точнее, она обещает новое понятие разума, которое может вместить и иррациональное, и интеграцию сексуальности как части переживающего тела, и критику психологического объективизма, и анализ интересубъективности.

Однако самая подробная и систематическая разработка Эснара, касающаяся вклада феноменологии в психоанализ, представлена в сообщении на Конгрессе французских невропатологов и психиатров в Туре в 1959 г., которое по содержанию сходно с тем, что он говорил о психоанализе шестью годами ранее в Безансоне. Сообщение начинается с общего обзора феноменологии в духе Мерло-Понти, где акцентируется понятие сознания как интенциональной вовлеченности человека в мир. Его обращение к нейропсихиатрии позволяет лучше понять органические поражения, органические психозы и, наконец, неврозы. Третья и самая значительная по объему часть затрагивает проблемы психиатрии, касаясь сначала психоза как такового, затем его классических типов, и, наконец, психотерапии. В этом контексте Эснар предлагает собственные варианты интерпретации психозов, основанные на идее о том, что психическое заболевание является экзистенциальным расстройством³⁵ и что его основная черта состоит в разрушении интересубъективных связей, ведущем к замещению их интрасубъективным миром.

Конечно, значение феноменологии для психоанализа является здесь лишь второстепенной темой. Ясно, что Эснар, как президент Французского психоаналитического общества, сохранил свою изначальную преданность психоанализу. Но сообщение 1959 г. отражает также и некоторое недовольство и обнаруживает попытку сказать о том, что феноменология, используя подход Мерло-Понти, может сохранить и расширить психоаналитические концепции и теории (См. подробнее: С. 39 и далее).

Касаясь главного камня преткновения, понятия бессознательного, Эснар утверждает, что феноменология, отклоняя термин «бессознательное» как «практически удобный, но неясный», предлагает эквивалент в виде скрытого и имплицитного сознания. С другой стороны, на взгляд Эснара, такие психоаналитики, как Лакан, с их акцентом на имплицитных операциях языка, ближе всего подходят к феноменологии.

³⁵ *Apport de la phénoménologie à la psychiatrie contemporaine*, p. 40.

ческой позиции (С. 15). Возможности для феноменологической интерпретации в духе Мерло-Понти по отношению к таким понятиям, как регресс, репрессия, сублимация и другие, еще более широки. Наконец, в ссылке Эснар заявляет, что большинство таких понятий лишь выигрывают, если постулируются и очерчиваются с феноменологических позиций. Фактически, отношения с другими людьми, понимание которых важно для психиатра, могут быть осмыслены только с точки зрения феноменологической интерсубъективности (С. 41).

Но мы бы ошиблись, если бы представили Эснара лишь как летописца и исследователя, пытавшегося применить феноменологию к психоанализу. Активно работая до того, как испытать влияние феноменологии, он внес определенный вклад в ее прикладное применение. Хорошим примером тому служит использование им феноменологии Мерло-Понти в исследованиях мира «патологического сознания»³⁶. Здесь он рассматривает патологический мир как изменение мира нормального, о чем пишет и Мерло-Понти, сравнивая его с миром детей и примитивных народов. Это сломанный мир, возникший вследствие неспособности пациента сформировать единую структуру, которая лежит в основе его способность существования в мире. В этом свете «все психические заболевания являются экзистенциальными расстройствами». Эснар считает невротика субъектом, не способным поддерживать подлинные интерсубъективные связи с другими людьми, психотика — тем, кто из осколков своего нормального мира строит фиктивный мир, как называет его исследователь, внутрисубъективный мир. На основании такой трактовки Эснар пытается интерпретировать различные формы неврозов как специфические формы нарушения отношений человека и мира.

Особенно продуктивной была попытка Эснара интегрировать психоанализ с феноменологией — его книга «Психоанализ человеческих связей» (*Psychoanalysis of the Human Bond*). Фактически, она представляет собой попытку использовать феноменологию с целью заполнить то, что Эснар называет основным упущением психоанализа: отказ от обращения к межличностным отношениям. В то время как фрейдовская теория идентификации с другими освещает значительную часть этих отношений, она не интересуется тем, что Эснар считает основой социального поведения — «анонимной интерсубъективностью», которую он находит в феноменологии социального поведения Мерло-Понти.

В. Даниэль Лагаш

Психоаналитические идеи Даниэля Лагаша, особенно те, что касаются структуры эго, ее различных типов и отношений между этими типами, представляют собой феноменологическую интерпретацию, подобную

³⁶ См.: «Nature de la Conscience: Conscience normale et conscience morbide», (*Evolution psychiatrique* [1959], pp. 353–82; см. также: *L'Oeuvre de Freud*, pp. 322 ff).

развитой Гуссерлем «эгологии». Несмотря на то что Лагаш не указывал на эту связь, он знал все возможности феноменологии как потенциального помощника в развитии Фрейдистской схемы. Так, обсуждая некоторые ошибки психоанализа, он обращается к феноменологии как к лучшему подспорью и задается вопросом:

Ввиду того, что мы говорили о феноменологической, а не о клинической позиции, находится ли наше методологическое сознание в долгу перед философами и психологами?³⁷

С. Жак Лакан (род. 1901)

Представить вклад такого бессистемного автора, как Жак Лакан, в контексте феноменологии психоанализа нелегко. Однако его выдающийся вклад требует, по крайней мере, простого упоминания.

На основании его работ, теперь собранных в девятистотомном издании,³⁸ можно отчетливо увидеть, что современная Лакану феноменология имела небольшое влияние на формирование его версии фрейдистского психоанализа, если таковое вообще было. Конечно, ссылок на феноменологию у него становится все меньше и они все более сдержанны, поскольку теперь он разделяет взгляды якобы антифеноменологической философии структурализма. Но нельзя упускать из вида, что в более ранних работах, также включенных в последнее издание, он постоянно обращается к феноменологии. Так, в эссе 1936 г. (*Au delà du «Principe de Réalisme»*, pp. 73–92) первейшим достижением «фрейдистской революции против ассоцианизма» представляется «феноменологическое описание психоаналитического опыта» посредством свободных ассоциаций, т.е. выражение его в языковой форме (С. 82). Очевидно, Лакан решил не продолжать эту линию после войны (С. 69). Но даже его более поздние работы содержат редкие ссылки на феноменологию, он читал труды Гуссерля, Сартра и Мерло-Понти (См., например, с. 160), хотя часто и был к ним весьма критичен. В предметном указателе в конце издания (Жак-Аллен Миллер) также нет ссылок на феноменологию и экзистенциализм. Но это не должно восприниматься как отсутствие феноменологического влияния. Лакановская теория символизма, в основном обращающаяся к лингвистике де Соссюра с ее различием между означающим и означаемым и постулированием привилегии первого перед вторым, представляется тесно связанной с феноменологией языка Мерло-Понти.

³⁷ «Psychoanalyse et psychologie,» *L'Evolution psychiatrique* (1956). P. 264. См. также: *Voisinage de la philosophie et de la psychanalyse / Encyclopédie française*. Vol. XIX. *Philosophie et religion*. 19.26.10–19.26.15.

³⁸ *Ecrits* (Paris: Edition du Seuil, 1966).

Нам представляется, что в феноменологизации фрейдистского психоанализа дальше всех идет Антуан Вергот.³⁹ По его утверждению, Фрейд открыл, что функционирование психики подчинено определенному смыслу, и что этот смысл является динамическим и историческим. *Этому открытию он предпослал феноменологический метод, который состоит в том, чтобы позволить феноменам говорить самим за себя, и применил его к поведению* (С. 38). Вергот особенно успешно применяет этот метод к интерпретации теории сновидений Фрейда как попытки понять смысл манифестаций бессознательного, являющегося, по сути, «действующим и динамическим вектором сил».

Очевидно, эта разновидность феноменологии значительно выходит за рамки описательной феноменологии и стоит по своей ориентации гораздо ближе к герменевтической феноменологии Хайдеггера, чем к Гуссерлю. Фактически, Вергот и сам, проводя эти параллели, отмечал, что не пытается идентифицировать подход Фрейда с Гуссерлевым (С. 58–59).

Все эти попытки установления связей между психоанализом и феноменологией не означают полной феноменологизации психоанализа. К тому же нет никакой уверенности в том, что они будут продолжены в будущем. Но есть очевидные признаки того, что оба движения развиваются, и их области все чаще пересекаются. Это достаточно перспективно: психоанализ стремится углубить свои основания и укрепить их обращением к опыту, и здесь он найдет союзника в лице феноменологии, а она, в свою очередь, может углубить и расширить свою концепцию сознания. Но для обоих движений было бы губительным, если бы такой союз привел к необходимости пожертвовать специфической природой каждого из них. Рикер прав: феноменология должна остаться преданной своему требованию интуитивной проверки и усмотрения сущности. А психоанализ едва ли избавится от чрезмерной смелости в интерпретации; он должен погрузиться в глубины бессознательного, не теряя своей идентичности.

Перевод с английского и примечания О.А. Власовой

³⁹ «L'Intérêt philosophique de la psychologie freudienne,» *Archives de philosophie*. XXI (1958). P. 26–59.